

АНЮТА СОКОЛОВА

ОГОНЬ, СВЕТ, ЖИЗНЬ

RUGRAM

Москва

2024

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)
С59

Соколова А.

С59 Андэ. Огонь, свет, жизнь / А. Соколова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 266 с.

ISBN 978-5-517-11634-5

Ли́ка невероятно счастлива: завтра она пересечёт пролив и своими глазами увидит Деон — загадочную страну-материк, посетить которую могут лишь избранные.

Для осуществления заветной мечты Ли́ка готова на что угодно, даже на фиктивный брак. Тем более, что замужество предлагает человек, в которого она давно и безответно влюблена.

Но её радость не разделяет таинственный гость, который приходит к ней накануне отъезда.

Он утверждает, что «чужая новобранная» погубит мир, и умоляет Ли́ку остаться дома.

BIC FM
BISAC FIC027030

ISBN 978-5-517-11634-5

© Анята Соколова, текст, 2024
© Ирина Косулина, обложка, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

*Всё в мире из огня. Мир есть, был и будет вечным
огнём, мерами затухающий и мерами возгорающийся.*

Гераклит Эфесский

Для счастья мне нужны всего две вещи: Деон и Вирт Керн.

В Деон я влюблена с детства, и не так, как большинство людей в Аризе: «Ах, закрытое государство-материк! Ах, сплошные загадки! До чего интересно!» Ещё в школе я начала по крупицам собирать всё связанное с этим миром, изучать его язык, историю, культуру. После смерти моих родителей Деон превратился в единственную отдушину, наверное, никто не мечтает побывать там с той же силой. Я свободно читаю, пишу, говорю и даже думаю на деонском языке! Правильнее сказать, на двух языках, потому что высокий диалект деонского, на котором положено общаться с адёном, правителем Деона, очень сильно отличается от основного. Взять хотя бы обращения деонцев друг к другу — «мáсте» и «мáста». Вроде бы это наши «господин» и «госпожа», так их и переводят. А на высоком языке слово «мáсте» означает «избранный» или «избранник», огромная разница.

Конечно, теперь увлекаться Деоном модно. Шесть лет назад наши таинственные соседи неожиданно первыми предложили принимать на своей территории туристов из-за пролива. До этого между нашими государствами существовало вялое подобие торговли, а о посещении Деона можно было лишь мечтать, настолько строго он охранял свои секреты. Представляю, как удивились в правительстве Ариза, а в ответ

на осторожные расспросы слышали — так велел Άнда. Бог Деона, и довольно грозный. Деонцы указаниям собственного бога не сильно обрадовались, но подчинились, правда, заранее оговорили: отбирать туристов будут они сами. Требования жёсткие, порой нелепые, однако выполнимые. И мне невероятно повезло, потому что завтра исполнится мечта всей моей жизни — я отправляюсь в Деон.

А о Вирте я и не мечтаю — бессмысленно. Он мне не жених, не любовник и не друг. Просто коллега, один из сотен молодых и многообещающих сотрудников нашего института, привлекательный зеленоглазый блондин с обаятельной улыбкой. Когда я не вижу его день, начинаю грустить. Через несколько дней утрачиваю интерес к исследованиям и читаю Рóне, моей помощнице, стихи на высоком диалекте деонского, от которых она прячется в подсобке. Спустя неделю на меня нападает вселенская тоска, я начинаю путать ингредиенты, и вместо положенных образцов умной посуды у меня выходят то миски на ножках, то тазики с хвостами. В этом случае уже Рона бежит за мной и уговаривает выпить чашечку крепкого чая с печеньем. Чай я послушно пью, но лучше мне от этого не становится. Вирт нравится всем девушкам без исключения, и мои шансы завоевать его сердце равны даже не нулю — минус единице. Я заурядная, скучная, ничем не примечательная девица, причём не слишком юная. Двадцать шесть лет — много или мало? Директор нашего института, господин Берк, который этой весной справил полувековой юбилей, скажет с улыбкой, что я ещё дитя. Восемнадцатилетняя Рона считает, что я древняя старуха и, если не выйду замуж немедленно, так и помру старой девой.

Уныло вздыхаю и засыпаю ядовито-синий порошок в воронку преобразователя. Вещество за смотровым окошком

медленно наливается бордовым, затем вспыхивает. Внутри оказывается премилая кастрюлька, только на месте обыкновенных ручек у кастрюльки руки весёленького голубого цвета с длинными гибкими пальцами. Одна из рук приветливо машет мне, вторая грозит кулаком. С опаской отправляю кастрюльку в утилизатор, по пути она умудряется соорудить мне кукиш.

Нет, это никуда не годится! Так дойдёт до того, что я соворю полную ерунду и ни в какой Деон не попаду, — придётся отвечать за срыв сроков. Под жужжание утилизатора я достаю список, который постоянно ношу с собой: необходимые для поездки вещи. Костюм, брюки, блузка, туфли, вторые на смену... Вечернее платье безжалостно вычёркиваю — вчера нас предупредили, что деонцы ограничили багаж каждого туриста десятью станами. Это уже третье послание за последнюю неделю, которое присылает адэн.

Требования деонцев порой вызывают смех, а иногда и слёзы. Как то, первоначальное, в котором адэн ограничил возраст — не моложе двадцати пяти и не старше тридцати лет. Половина желающих попасть в Деон рвали волосы на голове и всерьёз задумывались о подделке документов. Право, какая разница, тридцать лет человеку или тридцать с половиной? Но, когда большинство кандидатов решились «помолодеть» на год-другой, наш директор пригласил сотрудников на лекцию о Деоне. Идти не хотели до тех пор, пока не узнали, кого господин Берк попросил быть лектором, — тогда помчались все, еле втиснулись в актовъй зал. Сидели на подоконниках, вжимались друг в друга, стояли на одной ноге. Ещё бы — сам Барт Мерт, посол Ариза в Деоне! Единственный, кто получил постоянный допуск на территорию закрытого государства и живёт там почти тридцать лет. Ожидали чопорного пожилого человека, а увидели совсем молодого парня, вылитого

деонца — смуглого, ярко-рыжего, с уникальным цветом глаз — золотым, словно расплавленный металл. Даже растерялись: не ошибка ли?

Всё прояснилось во время лекции. Господин Мерт объяснил, что в Деоне особое излучение — любой человек, который находится там больше месяца, начинает меняться. Кожа приобретает цвет бронзы, радужка сияет золотом, волосы отливают медью. Изменения необратимы, отсюда и ограничения по сроку пребывания. Подделывать документы бессмысленно — деонцы видят возраст человека с точностью до месяца, к тому же они чувствуют ложь. Господин Вейс, известный на весь институт бабник, разволновался: как так? Неужели жены всегда знают, когда муж гуляет? Мерт расплылся в улыбке — вы, мол, плохо представляете, что такое деонские браки. Супруги связаны Андой, чувствуют все эмоции друг друга и на сторону совсем не смотрят.

После этой лекции рвущихся в Деон поубавилось. Затем поступили следующие требования: обязательное знание языка, отсутствие вредных привычек, стрессоустойчивость, коммуникабельность, неконфликтность... По институту поползли шуточки, что посещения Деона удостоятся лишь ангелы во плоти. Я молча радовалась, что за исключением безответной влюблённости в Вирта у меня нет дурных привычек, а психика настолько устойчивая, что даже Рона завидует.

Дверь за моей спиной открывается, я оборачиваюсь и от неожиданности раньше времени дёргаю дверцу преобразователя. На пол вываливается хорошенькая вазочка с ушами. Мне не до испорченного опыта: на пороге Вирт собственной персоной, в зелёном рабочем халате и обязательной сеточкой на волосах.

— Лика! — радуется он. — Здорово, что ты здесь!

Интересно, а где мне ещё быть, как не в моей лаборатории? Вслух я этого не произношу, поскольку немею от счастья.

— Ты же хочешь поехать в Деон? — вкрадчиво спрашивает Вирт.

Хочу ли я! Будь на моём месте Рона, она обязательно ответила бы: «Да ты издеваешься?! Я месяц сплю в обнимку с толстенной инструкцией для туристов!» Но почему-то в присутствии Вирта у меня язык прилипает к нёбу и сердце бьётся как заполошное. Только хлопать ресницами и могу, подтверждая репутацию не слишком сообразительной девицы.

— Очень, — с трудом выдавливаю я.

— Вот и отлично! — Вирт расплывается в улыбке. — Значит, мы договоримся. Пять минут назад Мила проболталась мне, что пришло новое послание из Деона. Представь: этот ненормальный адэн потребовал, чтобы все туристы были женатыми людьми. Берк пока не в курсе, он в управлении и должен вернуться в конце рабочего дня. Скорее всего, тогда и объявит.

Застываю на месте. Мила — вездесущий секретарь директора, расторопная особа, которая всегда и обо всём осведомлена лучше самого господина Берка. Надеяться на то, что она ошиблась, не приходится. Я не замужем и не попаду в Деон. Все мои мечты впустую.

— И я подумал — кто мешает оформить фиктивный брак? Расписаться в мэрии, получить свидетельство, а через месяц спокойно развестись — не сошлись, мол, характерами. И условие выполнено, и врать деонцам не придётся.

От растерянности не могу подобрать слова.

— Вирт, но это же нужно меньше чем за три часа найти подходящего человека.

— Лика, так поэтому я и пришёл к тебе, — поясняет он как нечто само собой разумеющееся. — Ты ведь не откажешься выйти за меня замуж?

Ох... Словно кислотой из пробирки на грудь плеснули. Больно до того, что дыхание перехватывает. Заветную фразу, которую полагается произносить на коленях вместе с признанием в любви и обручальным кольцом, услышать как деловое предложение от человека, даже не потрудившегося снять с себя рабочий халат.

— Всего на месяц, — быстро добавляет Вирт. — Другую девушку я побоялся бы просить, вообразит себе невесть что, потом не отвяжется. А ты серьёзная, скромная, кроме Деона ничем не интересуешься, и внешность у тебя подходящая. Вполне миленькая, чтобы я испытывал симпатию, которую почувствуют деонцы с их сверхспособностями и чтением мыслей.

Молчу и рассматриваю носки своих новых туфель. Нарядные, тёмно-голубые, в цвет глаз. Славненькие туфельки для миленькой девушки. Вирт воспринимает моё молчание за согласие.

— Вот и отлично, Лика! Через полчаса жду тебя у мэрии. О кольцах не беспокойся, у меня где-то лежат родительские. — Он бесцеремонно берёт мою правую руку. — Надо же, какие у тебя пальцы тонкие, не ожидал — с твоим-то ростом! Женское кольцо тебе будет велико, но лишь бы не свалилось во время церемонии. Главное, к тому моменту, когда Берк огласит условие, мы будем уже женаты.

Вирт не дожидается ответа, посылает мне воздушный поцелуй и убегает. Рассеянным взглядом обвожу лабораторию. Ушастая вазочка валяется неприкаянная на полу с таким несчастным видом, что её становится жаль. Но в Аризе строгие законы: любое некачественное экспериментальное создание

немедленно уничтожается. Поэтому я поднимаю вазочку и за-
талкиваю в утилизатор. Под ровное жужжание прибора мне
кажется, что это моё сердце расщепляют на частицы и пре-
вращают в пыль.

Обидно не тогда, когда твоя мечта не сбывается, а когда
она сбывается так, что хочется плакать.

— Распишитесь здесь, госпожа Керн, — сухой желчный регистратор подсовывает мне документ и тычет пальцем в положенную строчку. — Теперь вы, господин Керн... Где квитанция об оплате пошлины? Поздравляю, вы муж и жена. Следующие!

Недоверчиво смотрю на собственную корявую роспись, затем перевожу взгляд на безымянный палец. Как и предупреждал Вирт, простое тонкое колечко свободно ходит туда-сюда. Вот и вся свадьба: минутная дежурная речь, обмен кольцами и две закорючки.

— Чудно! — потирает руки мой свежеиспечённый супруг. — Хорошо, что в наше время нет ни испытательных сроков, ни обязательного присутствия свидетелей. Пришёл, заплатил налог — и всё оформлено.

Кошусь на него обиженно. Не соизволил даже переодеться, спасибо, что снял халат и сетку с волос. Понятно, что брак фальшивый, но хоть какое-то уважение должно быть. Я успела забежать домой, благо живу рядом с институтом, надеть лучшее платье и соорудить из жёстких бесцветных волос некое подобие причёски. Только оценить мои старания некому: родных у меня нет, друзей тоже. Наверное, я сама виновата — ничего, кроме Деона, вокруг себя не замечаю.

— Возвращаемся в институт? — спрашиваю очень тихо.

Может, Вирт хотя бы в ресторан меня пригласит? Времени достаточно.